

Пьеса написана в 2021 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» (организаторы: театр «Старый дом» (Новосибирск), театр «Практика» (Москва), «Чехов-центр» (Южно-Сахалинск) и Калининградский областной драматический театр).

Пожалуйста, указывайте эту информацию во всех рекламных материалах, связанных с использованием этого текста — например, в анонсах, программках и пресс-релизах.

Олег Михайлов

ГОРЫНЫЧ ПОКИНУЛ ЗДАНИЕ

Действующие лица:

АРТЕМ — 22-25 лет

ГОРЫНЫЧ — 71 год

В пьесе использованы тексты Григория Сковороды, Олега Митасова и Владимира Спартака.

... представьте себе городского сумасшедшего. Не деревенского дурачка в красной рубаше, сопливого носом и с ярмарочным леденцовым петушком во рту, какими их обычно рисуют писатели-почвенники советской поры, а именно жителя мегаполиса, который по какой-то причине сошел с ума. Знаю, это трудно, ведь всевозможные фрики сегодня изрядно потеснили настоящих сумасшедших. Иногда смотришь на людей в общественном транспорте и нет-нет да и закрадется мысль, что безумных в нашем городе — каждый первый. Между тем настоящее безумие (как и смерть) в наше время принято тщательно скрывать. Однако городские сумасшедшие остались. Они среди нас. И в каждом большом городе свой сумасшедший. Ну, или даже два. (В Москве больше, там всегда всего больше, но речь сейчас не о ней, родимой.) Ведь как «нет места без духа», так и нет (да и не может быть) настоящего города без своего безумца. Это может быть тетка по кличке Гитлеровна, пристающая к прохожим с рассказами, что является дочерью вот того самого... Или парнишка с веером в руке, дефилирующий по Невскому на каблуках, обернутый лишь куском ковровой дорожки... Или безумец в джинсах с колокольчиками, который катает в трамвае свою козу, рога которой окрашены красной масляной краской... Некоторым городам везет меньше: их сумасшедшие беззубы, плохо пахнут и громко матерятся. Нашему — повезло! У нас есть Горыныч. Некоторые горячие головы уже успели возвысить его до звания «гения места» (*geniusloci*), однако я бы не торопился этого делать. Пусть сперва умрет. Не раньше.

ГОРЫНЫЧ. Жизнь — это рев торжества, немые идеи, траншеи дней, любовь сгорела, бессердечная петля, умершие невесты, трапеция правды, пристань любви...

Книжные магазины в нашем городе распаханы сейчас по каким-то труднодоступным чердакам и подвалам. Даже те, которые в центре. Хрен найдешь. Да и черт ногу сломит туда забираться. А ведь когда-то мы были самой читающей нацией. Хотя... Кто нас так назвал? Кто подсчитал? Теперь и не узнать. И в книжный магазин приходишь, начнешь консультантов о чем-нибудь спрашивать — ничего ведь, сволочи, не знают!

Ничего найти не могут!

Вот и старик Горыныч к консультанту (молодому парнишке с беджиком «Артем» на груди) обращаться не стал. Он просто снимал с полок книги, читал из них наугад два-три слова, громко читал, чтоб все (т.е. Артем) слышали, а книжки за ненадобностью бросал на пол.

ГОРЫНЫЧ. Стенка ожидаемой потери, храм поступка, стакан спирта, здравствующий миг, вечная работа, цирковой номер, нерешенная проблема...

Артем ему не мешал — видимо, сразу распознал сумасшедшего. А зачем связываться с буйным? Незачем. Себе дороже. Но вот зафиксировать безобразие, творимое Горынычем, посчитал своим долгом.

АРТЕМ (в камеру телефона). Вот, котятки! Когда вы писали мне в комментах, что работа в книжной лавке — это скука и никаких траблов, то нихрена вы не угадали. Вот он — мой трабл. Биг трабл! Собственной персоной. Имя ему — штраф или даже увольнение. Но я чога спокоен как носорог. Вот правда — не парюсь даже. Пусть хоть все тут разнесет. Пока эта тварь на меня не кидается, в полицию звонить не буду. Буду стримить для вас до победного конца.

Когда, сука, еще такое увидишь, да?! (Смотрит на экран.)

Кейт заинтересуется, пахнет ли от него. Вот прости, подруга, не принюхивался. Не успел. Приезжай — сама нюхнешь. Хотя сомневаюсь, что он пахнет розами. Ему, наверное, лет сто. Но бодрячок такой. Громит магазин — только в путь. Знаете шутку? «Библиотека закрыта — упали все книжки!» Она так-то нихрена не смешная, но это единственный случай, когда она прокатит. (Читает вопрос из комментов.) Нет, я не знаю, кто это. Ваще не всасываю. Он просто тупо вломился и начал книжки разбрасывать. Нет, друзьяшки. Знакомиться тоже не хочу. Ноль желаний почему-то. Если хотите — приезжайте. Знакомьтесь с ним сами.

ГОРЫНЫЧ. Скажи, ты когда-нибудь пробовал думать про себя?

АРТЕМ. А?

ГОРЫНЫЧ. Ты кричишь все время. Я сам себя не слышу. Не могу сосредоточиться.

АРТЕМ. Я? Это я кричу?! Да я... Я ваще орать должен. В полицию звонить. На помощь звать!

ГОРЫНЫЧ. Тебе нужна помощь?

АРТЕМ. Мне?.. Да блин.. Ты... Вы прикалываетесь?

ГОРЫНЫЧ. У меня закончились книжки. У тебя есть еще?

АРТЕМ. У меня?..

ГОРЫНЫЧ. Зачем ты все время повторяешь мои вопросы? Это раздражает.

АРТЕМ (в камеру). Прикиньте, народ! Он меня троллит!

ГОРЫНЫЧ. С кем ты разговариваешь? Здесь только мы. Вдвоем.

АРТЕМ. Ошибаетесь. Нас сейчас смотрит куча народу... (Смотрит на экран телефона.) Сколько?! Ничо не понимаю... Вы откуда, блин, набежали-то все?!

ГОРЫНЫЧ. Я здесь никого кроме тебя не вижу. Друг мой, мне кажется, у тебя галлюцинации. Ты здоров?

АРТЕМ. Да пошел ты!

ГОРЫНЫЧ. А вот это было грубо. Если ты не здоров, я хотел предложить свою помощь.

АРТЕМ. Вали отсюда! Уматывай, пока я реально полицию не вызвал! Мне еще срач, который ты устроил, до ночи тут разгребать!

ГОРЫНЫЧ. Ты про книги? Лучше сразу вынеси их на помойку. Они совершенно бесполезны. Или... знаешь что? Давай лучше мы их сожжем? А?

АРТЕМ. Ты...чего? Совсем, да?

ГОРЫНЫЧ. Ничего. Книги, говорю, давай сожжем. У меня и керосин с собой есть. Чистый. Авиационный. Мама в детстве таким вот всегда лечила мне ангину.

Горыныч роется в карманах, достает пистолет (травмат), кладет на прилавок перед Артемом, продолжает поиски. Наконец, достает пластиковую бутылочку из-под питьевой воды с прозрачной жидкостью внутри.

ГОРЫНЫЧ. Немного правда. Но, думаю, должно хватить.

Горыныч идет к книгам, разбросанным на полу, поливает их жидкостью из бутылочки. Артем замороженно смотрит на оружие. Даже тянет к нему руку...

ГОРЫНЫЧ. Спички есть? Или зажигалка?

Артем поспешно одергивает руку.

АРТЕМ. А?

Горыныч подходит к Артему, кричит ему как глухому, сопровождая слова жестами, изображающими спички и зажигалку.

ГОРЫНЫЧ. Спички! Зажигалка! Есть?!

Артем мотает головой.

ГОРЫНЫЧ. Вот незадача. У меня тоже. Я ж не курю. А ты?

АРТЕМ. Ннннет.

ГОРЫНЫЧ. И правильно. И молодец. Здоровье превыше всего. Люди моего поколения умерли, спились, скурились, снарккоманились, поставили на себе крест и редко берут слово. Это я про таких, как я. А те, кто нет, те живут заурядно: пришел, поработал, поел, сходил в туалет и снова за работу. У вашего поколения все иначе. Девиз такой: кто ищет — тот находит. Кто находит — побеждает. Я прав?

АРТЕМ. Не знаю. Не думал об этом.

ГОРЫНЫЧ. А ты подумай. Только про себя. Не кричи об этом, не надо. Мысли любят тишину.

АРТЕМ. Хорошо, подумаю.

ГОРЫНЫМ, Отлично. А я пока схожу в ларек за спичками. Тебе ведь не продадут — молодой еще. А мне в моем возрасте — почти все можно. Только уже мало что нужно. Радостей осталось — по пальцам пересчитать. Чипсы люблю, сухарики. Зубов своих нет, но люблю, когда во рту хрумстит. Хрум-хрум... Ну, я пошел?

АРТЕМ. Иди...те.

ГОРЫНЫЧ. Скоро вернусь. Ты жди.

Едва Горыныч выходит за дверь, Артем срывается с места и запирает за ним дверь магазина.

АРТЕМ. Бляяая... (В камеру.) Вы видели? Видели? Он же псих! Реально маньяк какой-то!!! Давай, говорит, книги жечь... Жечь какая!

Артем смотрит на экран телефона. Долго смотрит.

АРТЕМ. Ребят, вы чо? Вы реально щас? Вас этот старый хрен чем так зацепил? Не-не-не... Я на такое не подпишусь. Только за десять кило лайков. Не, за двадцать. Не меньше.

Артем продолжает смотреть на экран, на котором бешено «крутится» счетчик лайков.

АРТЕМ (тихо). Офигеть. (Прерывает трансляцию.)

Артем идет к прилавку, берет оставленный Горынычем пистолет. Оружие приятно оттягивает руку и придает чувство уверенности. Артем даже прицеливается в кого-то воображаемого. И делает губами «пуф-пуф» — будто стреляет. И тут он впервые улыбается.

Это неприятная улыбка.
Пугающая.

АРТЕМ. Вот это другое дело.

Прячет пистолет за пояс, идет к дверям. Выходит, оставив гореть свет.

Равнодушные лампы освещают книги — «источник знаний».

В одной из них, что лежит сверху кучи, устроенной Горынычем, есть такие слова:

«Жизнь наша - непрерывный путь. Мир наш, как великое море всем плывущим. Он-то есть океан, очень немногими счастливыми успешно переплываемый.

На пути встречаются каменные скалы и утёсы, на островах сирены, в глубинах акулы, по воздуху ветры, волнения повсюду; от камней — претыкание, от сирен — прельщение, от акул — поглощение, от ветров — сопротивление, от волн — погружение. Каменные соблазны это неудачи; сирены это лстивые друзья; акулы это запазушные змии наших страстей; ветры, разумей напасти, волнение, мода и суета житейская...»

В магазин возвращается Артем. Выключает свет.

Окончательно уходит.

Темнота.

... В далеком детстве я бросался танцевать, когда только слышал музыку. Затем это прошло. Возможно, кто-то из взрослых объяснил мне, маленькому, что танцы просто так, без повода, не очень приличное занятие и не приветствуются в обществе. Или что-то вроде того, не помню. Так, наверное, чувствовали себя Адам и Ева, когда осознали, что голые.

Устыдились своей наготы...

Другое дело — алкоголь. Выпил — и в пляс! А вокруг такие же пьяные. И все танцуют. И это не стыдно. Ну, разве что утром, когда пытаешься вспомнить, что творил вчера в ночном клубе.

Кстати, о клубах. В нашем городе их не так уж и много. Наверное, людям сейчас не до танцев. Но они есть. Правда их названия не вызывают у меня желания пойти туда и потанцевать.

«Молодость». Что молодость? Да, прошла. Да, пролетела. Да, ее не вернуть. Тем более — в клубе под названием «Молодость». Или, например, «Жара». Сразу представляю себе сауну. Все голые, потные и... почему-то танцуют. Не годится.

Есть еще клуб «Живот». Странное такое название. Мне нравится все странное.

Вот туда бы, пожалуй, заглянул. Тем более, именно там сейчас находятся Артем и Горыныч.

Они в гримерке за сценой, на которой готовится сейчас выступить музыкальная группа. Отсюда слышно, как настраивают гитары, выставляют звук...

ГОРЫНЫЧ. Здесь нет книг.

АРТЕМ. Я знаю.

ГОРЫНЫЧ. Тогда зачем мы сюда пришли?

АРТЕМ. Мы? Это я сюда пришел. А ты увязался за мной.

ГОРЫНЫЧ. Ты так думаешь?

АРТЕМ. А что, не так было?

ГОРЫНЫЧ. Не знаю. Мне казалось, я куда-то шел. По делу. Но почему-то оказался здесь. С тобой. (Пауза.) Ты кто?

АРТЕМ. Здравсьте — приехали.

ГОРЫНЫЧ. Добрый вечер.

АРТЕМ. Я — Артем. Ты ворвался в книжный магазин, начал книги на пол кидать. Сжечь их собирался. Типа «гори оно все огнем!» Как-то так.

ГОРЫНЫЧ. Так вот зачем я купил зажигалку.

АРТЕМ. Вспомнил?

ГОРЫНЫЧ. Почти. Только это не я хотел спалить магазин. Зачем это мне?

АРТЕМ. А кто? Я, что ли?

Горыныч не отвечает, словно ответ подразумевается сам собой. И Артем это понимает.

АРТЕМ. Прикольно. И когда?

ГОРЫНЫЧ. Когда-нибудь. Разве у тебя не было таких мыслей? Что-то типа «гори оно все огнем!»

Артем молчит, он растерян.

ГОРЫНЫЧ. Я пошутил. Я все помню. Мне 71 год, но с памятью у меня все в полном порядке.

АРТЕМ (мрачно). Рад за тебя.

ГОРЫНЫЧ. Ну? Чем займемся? Ты ведь не просто так меня сюда привел. Хочешь, чтоб я еще что-то поджег? (Щелкает зажигалкой.) Я могу. Керосин еще остался.

АРТЕМ. Так! Хватит! Что за мания?! Не надо ничего... (Внезапно.) Я понял. Понял, почему тебя называют Горынычем. Ты все поджигаешь!

ГОРЫНЫЧ. Кто называет?

АРТЕМ. Ну... Пипл. Люди.

ГОРЫНЫЧ. Какие люди?

АРТЕМ. Разные.

ГОРЫНЫЧ. Странно. Я никаких людей не знаю. Кроме тебя. И где они меня так называют?

АРТЕМ. В интернете.

ГОРЫНЫЧ. Обо мне знают в интернете?

АРТЕМ. Ты почти звезда! То, как ты громил магазин, посмотрело...дохрена народу!

ГОРЫНЫЧ. Это хорошо?

АРТЕМ. Это отлично! Просто великолепно! Они от тебя в восторге. И хотят еще!

ГОРЫНЫЧ. Они хотят, чтобы я еще что-нибудь разгромил?

АРТЕМ. Думаю, второй раз это не прокатит. Нужно что-то свежее.

ГОРЫНЫЧ. Боюсь, я сам уже далеко не свеж.

АРТЕМ. Да, над имиджем надо будет еще поработать. Но в целом — огонь!

Горыныч щелкает зажигалкой. Артем отбирает ее, прячет в карман.

АРТЕМ. Отвлекает. Не могу сосредоточиться.

ГОРЫНЫЧ. Меня зовут Григорий Саввич.

АРТЕМ. «Саввич» — это что, отчество?

ГОРЫНЫЧ. Разумеется.

АРТЕМ. Прикольно. Я учту.

ГОРЫНЫЧ. Так меня и называй.

АРТЕМ. Але! Ты мешаешь мне думать.

ГОРЫНЫЧ. Уверен, ты уже все придумал. Просто не знаешь, как мне сказать.

АРТЕМ. Ну-ка! Удиви меня. Что я там такое придумал?

ГОРЫНЫЧ. Мне кажется, будет лучше, если я с ними просто поговорю.

АРТЕМ. С кем?

ГОРЫНЫЧ. Со всеми этими людьми. Беседа — отличный способ узнать друг друга.

АРТЕМ. Не в этом столетии. Нужен хайп!

ГОРЫНЫЧ. Что?

АРТЕМ. Ну, это когда ты что-то такое делаешь, что все сразу же начинают тебя обсуждать. И говорят только о тебе.

ГОРЫНЫЧ. Долго?

АРТЕМ. В смысле?

ГОРЫНЫЧ. Ну, долго говорят?

АРТЕМ. Это кому как повезет. В идеале — до следующего хайпа.

ГОРЫНЫЧ. Понимаю. Тебе нужен скандал.

АРТЕМ. Ловишь налету. Что-то вроде того.

Молчание.

ГОРЫНЫЧ. Скажи, ты уже познал любовь?

АРТЕМ. Ну, вообще-то здесь девушка моя выступает. У нее своя музыкальная группа. Сейчас играть начнут. Слышишь?

И действительно, музыканты уже настроились, играют вступление.

ГОРЫНЫЧ. Ты любишь музыку, я понял. Но я о другой любви.

АРТЕМ. Девушка у меня, говорю.

ГОРЫНЫЧ. Не вижу связи. Я тебя про любовь спрашиваю.

АРТЕМ. Так и вот.

ГОРЫНЫЧ. Что?

АРТЕМ. Да пошел ты!

ГОРЫНЫЧ. Опять грубишь. Я задал очень простой вопрос.

АРТЕМ. А я ответил! У меня есть девушка! У нас типа это... То самое.

ГОРЫНЫЧ. Любовь?

АРТЕМ. Типа да.

ГОРЫНЫЧ. Типа... Ужасное словечко.

АРТЕМ. Задолбал мораль читать!

ГОРЫНЫЧ. Сегодня я и мораль — не совместимы.

И Горыныч начинает раздеваться. Быстро. Ведь одежды на нем — всего ничего.

АРТЕМ. Ты чего творишь? Совсем «ку-ку»?

ГОРЫНЫЧ. «Ку-ку», «мяу-мяу» и до свидания!

Горыныч уже в одних только трусах.

ГОРЫНЫЧ. Я пошел!

АРТЕМ. Куда?

ГОРЫНЫЧ. К людям! Они ждут! Ты сам сказал!

АРТЕМ. Ничего такого я не...

Горыныч идет из гримерной на сцену, Артем бросается за ним. В этот момент почти в лицо ему летит какая-то тряпка. Он не сразу понимает, что это трусы Горыныча.

АРТЕМ. Ёёёёёп!

Артем достает телефон, включает камеру.

Темнота.

ГОЛОС ГОРЫНЫЧА. Любовь — танковая атака, шкура неубитого медведя, васильки одного случая, трагедия веселой поры, хор пьяных заборов, фортуна солнечного зайчика, бешеная собака, бревно непомнящего времени, горе торопливой вечности, счастье вины, структура правды, пора содеянного, торжественное обещание жить. Любовь — это слово, брошенное в тайну!

Голос стихает.

... Город наш напоминает мне старое кладбище, где живые постоянно пытаются отвоевать пространство у мертвых. Но старое кладбище сопротивляется и прорастает в самых неожиданных местах. Вот стоит только свернуть в узкий неприметный переулок, а кладбище уже поджидает вас среди уродливых ржавых гаражей в развалинах какой-нибудь церкви, где давно уже не бывал Господь.

АРТЕМ. Это не больница.

ГОРЫНЫЧ. Я знаю.

АРТЕМ. Зачем тогда мы сюда пришли?

ГОРЫНЫЧ. Мы? Это я сюда шел. А ты увязался за мной.

АРТЕМ. Здесь что, твой дом?

ГОРЫНЫЧ. Иногда. Я прихожу сюда, когда мне плохо или надо отлежаться.

АРТЕМ. Ты совсем, что ли?! Где здесь лежать?! Как вообще здесь можно жить?!

ГОРЫНЫЧ. Но они же как-то живут.

АРТЕМ. Мы что, не одни тут?

ГОРЫНЫЧ. Да. Поэтому говори, пожалуйста, тише. Не надо их будить.

АРТЕМ. Да кого? Кто здесь?! Я не вижу!

Артем достает зажигалку, щелкает ею, добывая огонь.
По стенам бегут какие-то смутные тени.

АРТЕМ. Ты мне одно скажи: они живые или мертвые?

ГОРЫНЫЧ. Сложный вопрос. Все относительно.

АРТЕМ. Заткнись! Философ нашелся. Притащил меня в какой-то бомжатник.

ГОРЫНЫЧ. Я тебя не звал. Ты сам.

АРТЕМ. Да? А что мне оставалось делать? Она меня из квартиры выставила, ключи забрала. Сучка!

ГОРЫНЫЧ. Твоя девушка? С которой у тебя «типа любовь»?

АРТЕМ. Все! Прошла любовь — завяли помидоры. Спалила меня, когда я снимал, как ты хоботом своим на сцене трясешь.

ГОРЫНЫЧ. Ты сам хотел. Разве нет?

АРТЕМ. Не ври! Я хотел немножечко хайпа, чтоб взбодрить народ. А по итогу остался без хаты. И без работы тоже. Ее отец — хозяин магазина, где я... где ты сегодня отжигал. И денег ни копейки. Даже на самый сраный хостел.

ГОРЫНЫЧ. А друзья?

АРТЕМ. Что «друзья»? При чем здесь друзья?

ГОРЫНЫЧ. Разве они не могут тебя приютить на ночь?

АРТЕМ. Какие друзья? Где они? Ты их видишь? Это все ее друзья были. В жопу их!

ГОРЫНЫЧ. Прости, Артем. Я правильно понимаю, что ты жил на квартире у девушки, которую «типа любил», а ее отец устроил тебя на работу? И друзей, которые могут выручить тебя деньгами или ночлегом, у тебя нет?

АРТЕМ. Заткнись! Мало тебя охрана в клубе отмудохала. Добавить?! Я могу!

Горыныч молчит. Долго молчит. Словно вовсе не собирается больше говорить с Артемом.

АРТЕМ. Нет, ну какого черта?! Ты кто такой?! Почему я должен перед тобой оправдываться? Это моя жизнь! Только моя!

ГОРЫНЫЧ. И как раз сейчас ты сливаешь ее в унитаз.

АРТЕМ. Вот уж хрен! Не дождутся! Ролик с твоим клубным отжигом уже в топе. Еще немного — и можно будет косить бабло.

ГОРЫНЫЧ. При условии, если я соглашусь.

Пауза.

АРТЕМ. Ты чего? Денег хочешь?

Горыныч молчит.

АРТЕМ. Чего молчишь? Цену набиваешь? Ну давай, говори! Сколько?

ГОРЫНЫЧ. Тебе здесь нравится?

АРТЕМ. Ты о чем вообще?

ГОРЫНЫЧ. Поздно уже, говорю. Надо спать укладываться.

АРТЕМ. Ты в конец оборзел, козлина?! (Бьет Горыныча по лицу.) Нравится?! (Бьет еще раз.) Нравится тебе?!

Горыныч улыбается, хотя по лицу течет кровь. Вид крови, видимо, отрезвляет Артема. Он закрывает лицо руками.

АРТЕМ. Блять! Как же меня кроет! (Горынычу.) Ты сам виноват! А-а-а-а... И таблетки у нее на квартире остались.

ГОРЫНЫЧ. Артем, ты болен? Я могу чем-то помочь?

Горыныч делает шаг к Артему, но тот выхватывает из-за пояса пистолет. Направляет его на Горыныча.

АРТЕМ. Не подходи! Стой на месте! Я серьезно. Еще шаг — и стреляю!

ГОРЫНЫЧ. Мы оба знаем, что ты не выстрелишь.

АРТЕМ. Да ты вообще ничего обо мне не знаешь!

ГОРЫНЫЧ. Я специально положил пистолет перед тобой в магазине. Ты им не воспользовался. Хотя мог. И если бы сделал, то мы бы сейчас здесь не оказались.

АРТЕМ. Хватит! Замолчи! Заткнись! Слушать тебя не хочу! (Пятится назад.)

ГОРЫНЫЧ. Куда ты?

АРТЕМ. Я тут не останусь! (Делает несколько шагов в темноту.) Кто здесь?! Чего вам от меня надо? Твари! Ненавижу! (Стреляет в темноту.)

ГОРЫНЫЧ. Артем!

Артем всем телом поворачивается на звук голоса Горыныча.
И в этот момент звучит выстрел.

Темнота.

ГОЛОС ГОРЫНЫЧА. Здравствуй, мой драгоценный, наижеланнейший друг, моя единственная радость, непорочный последователь Христа, любимый мой, мир тебе, мой брат, утеха в заботах, молюсь про ласку для тебя от Господа нашего, желанный мой, сокровище, забота и утеха души моей, будь счастлив, радуйся, веселись, дерзай, мир тебе да будет вовек!

... Однажды, когда еще был студентом, я привел в Эрмитаж дальних родственников — пожилую семейную пару, оказавшуюся в Ленинграде проездом. Магазины их не интересовали, в них тогда по всему Союзу одинаково ничего не было, поэтому мы пошли в Зимний дворец.

А в музей тогда впускали не со двора, как обычно, а с набережной. Поэтому Иорданскую лестницу, от красоты которой иностранцы падают в обморок, мы не увидели. И как-то сразу оказались в парадной анфиладе, окна которой выходят на Неву. И вот мои родственники ходят, рассматривают залы, а я прям физически чувствую их разочарование. Чувствую, но совершенно не понимаю причину. Где-то спустя час наших блужданий причина, наконец, была озвучена. «Да, бедновато жили цари!» — сказал родственник своей жене. И она закивала.

Так вот, я почти уверен, что квартира, в которой встретили утро Артем и Горыныч, очень бы понравилась моим родственникам. «Богато!», — сказали бы они.

В гостиную, где на диване расположился Артем, входит Горыныч. Он заметно прихрамывает, но это нам сейчас не интересно. Гораздо более интересен предмет у него в руке.

Это фаллоимитатор.

ГОРЫНЫЧ. Что это?

АРТЕМ. Это не мое!

ГОРЫНЫЧ. Я не этот вопрос тебе задал. Там в тумбочке еще какие-то странные штуки.

АРТЕМ. Вот зачем ты туда полез? Всегда в чужом доме по тумбочкам шарить?

ГОРЫНЫЧ. В том-то и дело, что чужом. Просыпаюсь в будуаре проститутки. В голове пусто, ни одного воспоминания. Как мы в публичном доме очутились? Что мы здесь делаем? Надо же было сориентироваться.

АРТЕМ. Чего сразу проститутки?

ГОРЫНЫЧ. А кого? Кто еще будет жить среди всей этой сусальной позолоты, красного бархата, каких-то подушек и рюшей? Кто? У меня нет вариантов. Хотя бы намекни.

АРТЕМ. Не собираюсь. Я тебе прямо говорю — не твое дело. Надо же было где-то переночевать.

ГОРЫНЫЧ. Есть много честных мест, где можно переночевать. Вокзал, например.

АРТЕМ. Не люблю вокзалы.

ГОРЫНЫЧ. Для нищего ты слишком разборчив.

АРТЕМ. Ты тоже. Кровать ему не угодила.

ГОРЫНЫЧ. Один мой друг, бродячий философ, часто говорил мне: «Мир ловил меня, но не поймал».

АРТЕМ. И чего?

ГОРЫНЫЧ. Это он про такие кровати говорил. В том числе.

АРТЕМ. Нашел чем гордиться.

ГОРЫНЫЧ. А он гордился. Эту фразу потом выбили у него на могиле. Кстати, о могилах. У меня к тебе два вопроса. Кто в меня вчера стрелял? И кто так бездарно перевязал рану?

Пауза.

АРТЕМ. Ты не помнишь? Реально?

ГОРЫНЫЧ. Есть вещи, которые стоит забыть сразу. И я забываю. Но боль в ноге рождает любопытство. Эта конечность мне очень дорога, я еще планировал ею попользоваться. Так кто стрелок?

АРТЕМ. Ну... Предположим...

ГОРЫНЫЧ. Я спрашиваю на тот случай, если полиция начнет расспросы.

АРТЕМ. Полиция?

ГОРЫНЫЧ. Разумеется. Мне надо в больницу. Причем — срочно. А там увидят пулевое ранение и вызовут полицейских.

АРТЕМ. Ты уверен?

ГОРЫНЫЧ. Такой порядок.

АРТЕМ. Да нет, я про рану спрашивают. Ты уверен, что тебе надо в больницу?

ГОРЫНЫЧ. Я уверен, что мне пока нечего выбить на могильном камне. А использовать чужие эпитафии не этично. Поэтому — мне надо еще немного пожить.

АРТЕМ. Это я в тебя стрелял. Я не хотел... Все вышло случайно... Извини.

Пауза.

ГОРЫНЫЧ. Я рад, что ты это сказал. Особенно последнее слово. Его я от тебя еще не слышал.

АРТЕМ. Доволен, да? Давай — вали в свою полицию! Заложь меня! Пусть меня посадят! Все равно мне больше некуда пойти, а там хоть кормят! Ну? Чего встал?

ГОРЫНЫЧ. Все сказал?

АРТЕМ. Все. А, нет, есть еще кое-что.

Артем показывает Горынычу «фак».

АРТЕМ. Вот теперь — все.

Пауза.

ГОРЫНЫЧ. Я осмотрел рану, ничего страшного. Но болеть будет еще несколько дней. Так что больница отменяется.

АРТЕМ. Какая ты скотина! Тебе нравится надо мной издеваться?

ГОРЫНЫЧ. Но-но! Не забывай, что пойти в полицию я могу в любой момент

АРТЕМ. А ты ничего не докажешь!

ГОРЫНЫЧ. Слушай, это у вас все поколение такое или только ты такой получился?

АРТЕМ. Пошел ты!

ГОРЫНЫЧ. Хорошо. Я пошел. (Идет к двери.)

АРТЕМ. Ты куда?

ГОРЫНЫЧ. Как думаешь, патрульные довезут меня до больницы?

АРТЕМ. Чего ты хочешь, гад?! Чего добиваешься? Ну?!

ГОРЫНЫЧ. Я скажу. Но сперва ответь на вопрос.

АРТЕМ. Какой еще вопрос?

Горыныч показывает фаллоимитатор.

ГОРЫНЫЧ. Что это такое?

АРТЕМ. Да блин.

Артем берет фаллоимитатор, присоской прикрепляет его к полу (чавкающий звук), включает. Прибор светится и вибрирует.

Некоторое время Горыныч с любопытством наблюдает за его работой.

АРТЕМ. Доволен? Или есть еще вопросы?

ГОРЫНЫЧ. Знаешь, вопросов стало намного больше.

АРТЕМ. Ты тупой, да?

ГОРЫНЫЧ. Видимо, да. Этот агрегат мне что-то напоминает. Никак не соображу.

АРТЕМ. Это мужской половой хрен! Его засовывают... И он там... Жужжит и светится...

ГОРЫНЫЧ. Такой большой?

АРТЕМ. Многим нравится.

ГОРЫНЫЧ. Мне бы точно не понравилось.

АРТЕМ. Так тебе никто и не предлагает.

ГОРЫНЫЧ. Тогда она точно не проститутка.

АРТЕМ. А?

ГОРЫНЫЧ. Я про хозяйку квартиры. Бедная женщина.

АРТЕМ. Ты квартиру видел? Уж точно не бедная. И если по правде, то и не женщина.

ГОРЫНЫЧ. А кто?

АРТЕМ. Конь в пальто! Один старый хрен, вроде тебя.

ГОРЫНЫЧ. Зачем ты грубишь?

АРТЕМ. Потому что ты достал меня. Лезешь и лезешь в мою жизнь. А тебя это не касается. Ты мне не отец!

ГОРЫНЫЧ. А отец знает?

АРТЕМ. Нет у меня отца. Закрыли тему.

ГОРЫНЫЧ. А у меня нет сына. Он был, но... Тема закрыта.

Молчание.

ГОРЫНЫЧ. Ты вчера про таблетки говорил. Это важно?

АРТЕМ. Какая разница? Таблеток нет, денег нет...

Горыныч достает пистолет.

АРТЕМ. Решил кого-то грабануть?

ГОРЫНЫЧ. Вообще-то, хотел продать пистолет. Но твое предложение мне нравится больше.

АРТЕМ. Патронов нету.

ГОРЫНЫЧ. Ты что, стрелять собрался?

АРТЕМ. Только если в тебя. А, нет, в тебя я уже стрелял.

Горыныч начинает смеяться. Артем, не выдержав, тоже хохочет.

ГОРЫНЫЧ. Что ты собираешься делать?

АРТЕМ. Не знаю. Ваще ничего не знаю. Хочется закрыть глаза и плыть по течению.

ГОРЫНЫЧ. Тогда ты точно утонешь.

АРТЕМ. Ну и пусть.

ГОРЫНЫЧ. А как же мечты, планы... Они вообще у тебя есть?

АРТЕМ. Началось.

ГОРЫНЫЧ. Артем, я просто спросил.

АРТЕМ. Просто? У тебя ничего не бывает просто. Все с каким-то подвохом...

ГОРЫНЫЧ. Я хочу помочь.

АРТЕМ. ОКей. Я хочу пентхаус в центре города. Давай — помогай!

ГОРЫНЫЧ. Это и есть твоя мечта?

АРТЕМ. Предположим. А что, нельзя?

ГОРЫНЫЧ. Можно. Только зачем он тебе?

АРТЕМ. Жить в нем. Прикинь?

ГОРЫНЫЧ. А в другом месте ты жить не сможешь?

АРТЕМ. Где? Под мостом? С вонючими бомжами? Так я и так там окажусь. И очень скоро.

ГОРЫНЫЧ. Почему сразу крайности? Или с бомжами или в пентхаусе. Промежуточный этап ты не рассматриваешь?

АРТЕМ. Ты мне сейчас напоминаешь психолога. Когда отец погиб в шахте, мать меня потащила на прием к какому-то мозгоправу. Вот он мне тоже втирал, что в жизни надо ставить реальные цели. Достижимые. А я не хочу так! Не хочу, как все!

ГОРЫНЫЧ. Мне очень жаль. Я про твоего отца.

АРТЕМ. Зачем я тебе все это говорю? Ведь ты меня не услышал!

ГОРЫНЫЧ. Ты ошибаешься. Я тебя прекрасно слышу. Даже то, чего ты не говоришь.

АРТЕМ. Выметайся. Мне работать надо.

ГОРЫНЫЧ. Здесь?

АРТЕМ. Почему нет?

ГОРЫНЫЧ. И в чем заключаются твои обязанности?

АРТЕМ. Квартиру убирать буду. А хозяин мне за это денежку скинет. Все ясно?

ГОРЫНЫЧ. Давай помогу.

АРТЕМ. Нет. Я должен сам.

ГОРЫНЫЧ. Но почему? Вместе мы быстрее управимся.

АРТЕМ. Я никуда не тороплюсь.

ГОРЫНЫЧ. А я отлично мою полы!

АРТЕМ. Да не в этом дело...

ГОРЫНЫЧ. Ты скажи. Я пойму.

АРТЕМ. Короче, тема такая. Я делаю уборку голым. Снимаю это на видео и отправляю чуваку — хозяину квартиры.

ГОРЫНЫЧ. Не понимаю. Зачем?

АРТЕМ. Он извращенец! Блять, ну нравятся ему голые парни! И нравится, когда в квартире чисто. Чистоплотный такой извращенец. Что непонятного?!

ГОРЫНЫЧ. Мне непонятно, почему ты это делаешь?

АРТЕМ. Мне тупо нужны деньги.

ГОРЫНЫЧ. Не понимаю. Почему тогда ты просто не убираешь в квартирах?

АРТЕМ. Потому что он платит больше. И не трогает меня. Не задрочивает, как ты.

ГОРЫНЫЧ. Кто-то еще об этом знает?

АРТЕМ. Конечно, блять! Я же всем об этом рассказываю. На каждом углу.

ГОРЫНЫЧ. Это сарказм?

АРТЕМ. В точку! Если кто-нибудь об этом узнает — мне хана.

ГОРЫНЫЧ. Но мне ты сказал?

АРТЕМ. Тебе никто не поверит. Весь город знает, что ты сумасшедший.

ГОРЫНЫЧ. Вот как?

АРТЕМ. А ты не знал?

ГОРЫНЫЧ. Догадывался.

АРТЕМ. Отлично. Все, давай — вали!

ГОРЫНЫЧ. Я останусь.

АРТЕМ. Что? Посмотреть захотелось? Ты тоже из этих?

ГОРЫНЫЧ. Я хочу долю.

АРТЕМ. С фи́га ли?

ГОРЫНЫЧ. Компенсация. За ранение. Согласись, ты мне должен.

АРТЕМ. И сколько?

ГОРЫНЫЧ. Половину.

АРТЕМ. Офигел, да?

ГОРЫНЫЧ. На меньшее — не согласен.

Артем молчит, думает.

АРТЕМ. ОКей. Тогда тебе тоже придется поработать.

ГОРЫНЫЧ. Боюсь, твоему клиенту не понравится, если я разденусь.

Артем подходит к Горынычу, отдает ему свой телефон.

АРТЕМ. Телефон поддержишь. Мне нужен оператор. Справишься?

ГОРЫНЫЧ. Разберусь. На что нажать?

АРТЕМ. Вот сюда. И пойдет запись. Эти кнопки не трогай.

ГОРЫНЫЧ. Понял.

АРТЕМ. Да погоди, не снимай. Я музыку включу. Тогда и начнешь. Когда песня закончится — жми на паузу.

Артем отходит от Горыныча. Включает музыку. Начинает двигаться. Под музыку скидывает халат, под ним на Артеме надета кожаная эротичная порту́пя и кожаные короткие шорты. Изгибаясь, Артем тряпкой вытирает пыль. Когда трэк заканчивается, Артем останавливается, выходит из образа.

АРТЕМ. На паузу нажал?

ГОРЫНЫЧ. Вроде.

АРТЕМ. Дай гляну.

Артем забирает у Горыныча телефон. Долго смотрит на дисплей. Что-то нажимает. Экран гаснет. Артем молчит.

АРТЕМ. Зачем ты это сделал?

ГОРЫНЫЧ. Я что-то не то нажал?

АРТЕМ. Нет. Ты все правильно нажал. Я только хочу знать... За что ты так со мной? Это ты мне так отомстил? За то, что я снимал тебя?

ГОРЫНЫЧ. Много народу посмотрело?

АРТЕМ. Достаточно. Мне конец.

ГОРЫНЫЧ. Тебя никто не тронет.

АРТЕМ. Нет, ты не понимаешь... Я же больше не смогу туда вернуться.

ГОРЫНЫЧ. Куда?

АРТЕМ. Никуда. Никуда не смогу. Это же все видели. Все знакомые, все подписчики... Это мама увидит!

ГОРЫНЫЧ. Скажешь, что это шутка.

АРТЕМ. В поселке, где она живет, за такое убивают.

ГОРЫНЫЧ. Прости, я не знал.

АРТЕМ. Пошел вон. Убирайся! Видеть тебя не могу!

ГОРЫНЫЧ. Артем, тебе сейчас нельзя быть одному.

АРТЕМ. Видеть тебя не могу!

ГОРЫНЫЧ. Я никуда не уйду.

АРТЕМ. Тогда уйду я.

Артем собирает одежду, идет к выходу.

ГОРЫНЫЧ. Мальчик, послушай!.. Выслушай меня!..

АРТЕМ. Не смей за мной ходить! Я тебя ненавижу! (Уходит.)

Темнота.

... Раньше я думал, что камеры наблюдения, которых в нашем городе год от года становится все больше и больше, это «глаза» реальных людей. Ну, что где-то сидит живой человек, перед которым стоят мониторы, где в режиме реального времени разворачиваются разного рода события, составляющие ежедневную жизнь мегаполиса. Да хрен-то! В большинстве случаев камеры просто записывают происходящее, а записи эти потом никто не смотрит. Да и зачем, если ничего серьезного не произошло? Вот если преступление — тогда да, тогда, возможно, усталый полицейский опер и посмотрит. А так — нет. И очень зря. Ведь только на этих записях и видна настоящая жизнь, свершенно невидимая большинству людей.

Вот давайте посмотрим одну такую запись.

Перед нами вход в отделение какого-то банка. Мимо по тротуару проходит Артем. Он все еще одет только в «сценический костюм», а свою одежду несет в руках. Артем проходит мимо равнодушного объектива камеры, какое-то время в кадре только асфальт и кусочек проезжей части, но вот Артем возвращается. Довольно быстро становится понятна причина, по которой он изменил свой маршрут. Его преследует компания парней, при взгляде на которых сразу становится ясно, что это дети рабочих окраин. Они иначе одеты, иначе ведут себя, да и пьют они пиво (обязательно спрятанное в пакет), а не кофе или (прости, Господи!) смузи. Парни активно жестикулируют. Это враждебные жесты. Враждебные по отношению к Артему. Он пытается отвечать, но лишь теряет время. Парни окружают его, прижимают к дверям отделения банка. Еще немного и Артема начнут бить. Это всегда понятно (даже без слов), когда вот-вот начнут бить. Но избиения не происходит...

Парни ретируются. Ретируются — это красивое слово. Хотя на записи видно, что они ссыкливо отступают. И их можно понять. Потому что на экране ясно виден Горыныч, изо рта которого вырываются струи пламени. Нет, вам не показалось. Если набрать в рот керосин и прыснуть его под давлением на источник огня, то человек станет живым огнеметом. Разумеется, этому, как и любому другому искусству, надо долго учиться.

Пока Горыныч отгоняет «гопников», Артем достает из кармана джинсов банковскую карту и открывает дверь отделения. Жестом зовет Горыныча присоединиться к нему в этом укрытии. Горыныч спешит за Артемом.

На этом запись заканчивается, а жизнь — нет.

Артем и Горыныч забегают в отделение банка. Точнее — это не само отделение, а «предбанник», в котором установлен банкомат. По случаю выходного дня банк не работает, но горожане могут

снять деньги самостоятельно. При условии, если у них есть банковская карта, конечно. Она и является ключом для входа в здание.

АРТЕМ (кричит). Получили, суки?! (Горынычу.) Ты видел?! Видел, как они зассали?! Они ж реально в штаны наделали, когда ты огнем... Это чо, керосин был? Ты его на зажигалку плевал? Да?

ГОРЫНЫЧ. Фаербризинг.

АРТЕМ. А?

ГОРЫНЫЧ. Выдувание огня — это фаербризинг.

АРТЕМ. Офигенно! Научишь меня так же?

ГОРЫНЫЧ. Это вредно. И опасно.

АРТЕМ. Да плевать! Зато как круто! Ты был как настоящий Горыныч! (Смеется.) Я тоже так хочу. Буду Горыныч джуниор.

Горыныч улыбается. Затем кашляет — долго и надсадно.

АРТЕМ. Ты как? Норм?

ГОРЫНЫЧ. Почти. Только до вечера теперь керосином рыгать буду. Надо было пистолетом их шугануть.

АРТЕМ. Совсем уже? Оружием среди бела дня размахивать. Нас бы уже замели. А так немного отсидимся здесь и пойдем.

ГОРЫНЫЧ. Куда?

Пауза.

АРТЕМ. В разные стороны. Ты — направо, я — налево. Или наоборот. Мне все равно.

ГОРЫНЫЧ. Артем!

АРТЕМ. Это из-за тебя они на меня напали! Ты во всем виноват!

ГОРЫНЫЧ. Хорошо. Я. Только я. Прости.

АРТЕМ. Отвернись.

Горыныч не двигается с места.

АРТЕМ. Мне переодеться надо.

Горыныч отворачивается. Артем переодевается.

АРТЕМ. И то, что ты вписался за меня — это ничего не отменяет. (Внезапно.) Да чем воняет здесь?

ГОРЫНЫЧ. Чем?

АРТЕМ. Паленой шерстью.

ГОРЫНЫЧ. Это от меня. Борода обгорела.

АРТЕМ. Знаешь, я не просил... Пусть бы избили... Не привыкать.

ГОРЫНЫЧ. Их было много. Слишком много для тебя одного.

АРТЕМ. Думаешь, сдох бы? Сдох? Да и пусть! Теперь все равно!

ГОРЫНЫЧ. Я так не думаю.

АРТЕМ. А ты не думай. Зачем?

ГОРЫНЫЧ. Я понимаю, ты злишься...

АРТЕМ. Я не злюсь, я в ахуе от твоей подставы! Ты мне жизнь сломал. Убил меня, можно сказать.

ГОРЫНЫЧ. Не преувеличивай. Ты тоже меня голого всему интернету показал, а я, как видишь, живой.

АРТЕМ. Ты старый, тебе все равно.

ГОРЫНЫЧ. Я старый, но это не значит, что мне не больно.

Пауза.

АРТЕМ. Больно? Сильно обжегся?

ГОРЫНЫЧ. Терпимо. Губы только. Их надо после каждого бриза вытирать, а мне некогда было. И на руку немного керосина попало, которой зажигалку держал.

АРТЕМ. Ты прям профессионал. Где научился?

ГОРЫНЫЧ. К ребятам-бризерам как-то прибился. Они по городам с фаер-шоу ездили. Ну и научили немного.

АРТЕМ. Так ты не местный?

ГОРЫНЫЧ. Как и ты. Бродячий философ.

АРТЕМ. Вот я и смотрю — пиздишь больно много.

ГОРЫНЫЧ. Каюсь. Есть такой грех.

АРТЕМ. Ой, ну ты как батя мой. Он тоже: сперва накосячит, а потом давай каяться.

ГОРЫНЫЧ. Много косячил?

АРТЕМ. Тебе и не снилось.

ГОРЫНЫЧ. Хочешь об этом поговорить?

АРТЕМ. Вот! Ты опять! Опять как сраный психолог! Ненавижу! (Идет к дверям.)

ГОРЫНЫЧ. А вдруг они еще не ушли?

АРТЕМ. А?

ГОРЫНЫЧ. Те ребята. Вдруг они еще там? Надо проверить.

АРТЕМ. Ты хочешь поговорить? Ладно! Папашу моего никто и никогда на свете не интересовал, кроме него самого. Только его желания, его амбиции, его хотелки... Ради этого он готов был отдать своим демонам все, что у него было. И он отдал. Меня. Ты шрамы мои видел? Нет?

ГОРЫНЫЧ. Обратил внимание. На груди.

АРТЕМ. Так вот — он там не один. Это папаша мой органы мои продавал. Сперва — почку. Потом — одно легкое. В планах были глаза и кожа. А мать слова ему поперек сказать не смела! Как тебе такое?

ГОРЫНЫЧ. Замечательно. Это ты мне историю Хяккимару из анимэ рассказываешь?

Пауза.

АРТЕМ. Удивил. Вот щас — реально удивил. Смотришь «Дороро»?

ГОРЫНЫЧ. Мне больше нравится «Наруто». Он простой, понятный. Хотя в «Дороро» прорисовка несомненно лучше.

АРТЕМ. Кому рассказать — не поверят. Бомж плюется огнем и шарит в анимэ!

ГОРЫНЫЧ. Удивительно, как легко ты отказываешь другим людям в возможности делать то, что им нравится. И в этом ты не далеко ушел от парней, которым не понравился твой внешний вид.

АРТЕМ. Да чего ты ко мне вяжешься? Чего тебе от меня надо?!

ГОРЫНЫЧ. Я скажу. Только давай не здесь.

АРТЕМ. А где?

ГОРЫНЫЧ. Всегда можно найти более приятное место.

АРТЕМ. Уговорил. Только... Сходи, проверь на всякий случай. Вдруг они нас за углом караулят.

ГОРЫНЫЧ. Хорошо, я быстро.

Горыныч, прихрамывая, медленно идет к двери. Выходит на улицу. Идет налево. Как только он скрывается за углом, Артем покидает здание. И быстро бежит направо. Через какое-то время возвращается Горыныч, заглядывает сквозь стекло в отделение банка. Не сразу, но понимает, что Артем там нет. Стучит кулаком по стеклу. Плачет.

Темнота.

... Вот не люблю вокзалы. Там всегда люди. И воняет. Наш вокзал не исключение. Там вообще мало что примечательного, кроме, пожалуй, одного места. В начале подземного перехода, ведущего к железнодорожным колеям, есть маленький круглосуточный магазин «У Галины». Там еще плакат висит с портретом этой самой Галины. Пожилая тетка с желтыми волосами в дурацкой шляпке. В нашем городе ее считают сумасшедшей из-за диких нарядов и страсти к громким титулам, на которые (наряды и титулы) она, как считают, тратит все заработанные ее магазинчиками и киосками деньги. А титулы у нее такие: «Бизнес-леди мира», «Богиня Европы» и как-то там еще... Не ржите, я серьезно, такие титулы у нее. Но обычно все ржут. И мало кто знает, что тетка тянет на себе детский дом где-то в области, восстанавливает храмы, строит на свои деньги дороги, помогает библиотекам и еще много чего делает. И при этом носит дурацкие шляпы. Люди всегда охотно принимают ее помощь, а за спиной смеются. Ну, сумасшедшая же!

Горыныч нашел Артема на вокзале. Уже вечером пришел туда, долго искал Артема. Нашел — и сел рядом. Довольно долго сидели молча. Артем молчал от обиды. Горыныч из-за того, что ел мороженое.

ГОРЫНЫЧ. В юности я был скуповат. Однажды гуляли как-то с приятелем, оба студенты, я захотел мороженого. Спросил товарища, будет ли он. Тот отказался. Ну, я купил, идем дальше. Я кусаю мороженое, зубы ломит, но мне все равно, смотрю по сторонам, а вокруг весна, мороженое такое вкусно, и я говорю приятелю: «Хорошо-то как!» А тот мне: «Ну ты и сволочь!», отвернулся и ушел.

АРТЕМ. Вот ничо не изменилось. Так сволочью и остался.

ГОРЫНЫЧ. Ты прав. Зато теперь я всегда, даже когда один, покупаю две мороженки. (Достает из-за пазухи мороженое.) Будешь?

Горыныч протягивает Артему мороженое, тот не берет. Горыныч кладет мороженое на лавку между ними.

АРТЕМ. Как ты меня нашел?

ГОРЫНЫЧ. А куда ты еще мог пойти? Вокзал — единственное место, куда люди идут, когда больше некуда.

АРТЕМ. Философ, блять. Откуда ты взялся вообще? На мою голову.

ГОРЫНЫЧ. Я и сам довольно часто об этом думал. Вспоминал. Рылся в прошлом. И вспомнил. Помню, как я начал кататься на коньках. Я катался на одном коньке. У всех — то есть не у всех, но у

многих — были коньки как коньки, а у меня — один. Почему один, не знаю, но катался я на нем на одном. Это продолжалось год, наверно. На меня смотрели, как на сумасшедшего. И мне это даже нравилось. Потом, уже перед армией, у меня появились коньки. Два конька. Но я уже не катался. На одном катался, а на двух — нет. Один раз попробовал, прокатился — и этого было достаточно. Не то. Абсолютно. И когда Вака подрос...

АРТЕМ. Кто подрос?

ГОРЫНЫЧ. Вака. Сын.

АРТЕМ. Ты сына Вакой назвал?

ГОРЫНЫЧ. А что такое? Обычное домашнее имя.

АРТЕМ. Ты реально не в себе!

ГОРЫНЫЧ. Вообще-то, он Валентин. Но мы с женой называли его Вакой. И вот, когда он подрос...

АРТЕМ. погоди. Как можно ребенка Вакой называть? Звучит, как кличка попугая. Представляю, как его дразнили.

ГОРЫНЫЧ. Да никто его не дразнил!

АРТЕМ. Да ты просто не знал! Он не говорил тебе. За «Ваку» его гнобили по полной программе. Зуб даю!

ГОРЫНЫЧ. Ты дашь мне рассказать?

АРТЕМ. Все. Молчу.

ГОРЫНЫЧ. Когда Вака...

Артем ржет.

Горыныч молчит. Насупился.

АРТЕМ. Ну ладно, все, все.

Горыныч молчит.

АРТЕМ. Рассказывай давай.

ГОРЫНЫЧ. Да иди ты!

АРТЕМ. Чо ты там про коньки начал?

Пауза.

ГОРЫНЫЧ. Я ему на День рождения один конек подарил.

АРТЕМ. Почему один-то?

ГОРЫНЫЧ. Сам на одном катался. И мне казалось, что так лучше, удобнее.

АРТЕМ. Ты совсем дурак?

ГОРЫНЫЧ. Вот и он мне так сказал. Слово в слово. «Папа, ты дурак?»

Пауза.

АРТЕМ. Мне бы отец знатных люлей отвесил за такие слова.

ГОРЫНЫЧ. Но ведь сын мой в чем-то прав. Глупо предлагать другому человеку свой опыт только лишь потому, что он у тебя есть.

АРТЕМ. Не, погоди. То есть надо самому выпить яду, чтобы узнать, что от него можно сдохнуть? Так, что ли?

ГОРЫНЫЧ. Вот! Так почему же вы, когда старшие предлагают вам разумное, доброе, вечное, вы отвергаете все это?

АРТЕМ. Да потому, что вы сами в это не верите. Говорите одно, думаете другое, а говорите... вообще херню какую-то. И так везде! Батя мой украл у соседа насос. И радовался как ребенок. Я пошел и спер у друга вкладыши, которые мне давно нравились. И батя меня избил за это. И приговаривал: «Не воруй!» В детском садике воспиталки говорили, что любят нас, а сами игрушки у нас пиздили для своих детей. Дальше — в школе уже — учителя нам втирали про честность. А потом на выборах помогли мухлевать. Все врут! Не соврешь — не проживешь!

ГОРЫНЫЧ. Обещаю. Я не буду тебе врать. Никогда.

АРТЕМ. Ты здесь меньше пяти минут, а у меня уже болит голова. Шел бы ты, а?

ГОРЫНЫЧ. Ты голоден, устал. Вот и болит.

АРТЕМ. Спасибо, доктор.

ГОРЫНЫЧ. Совсем забыл. Я ведь раздобыл денег.

АРТЕМ. Рад за тебя. Ограбил кого-нибудь?

ГОРЫНЫЧ. Продал пистолет. И я купил тебе таблетки.

АРТЕМ. Что? Какие таблетки?

Горыныч роется в карманах, достает небольшую пластиковую бутылку с водой, кладет на лавку. Затем извлекает из кармана упаковку таблеток.

ГОРЫНЫЧ. Ты ведь эти принимаешь?

Пауза.

АРТЕМ. Ты откуда знаешь про мои таблетки?

ГОРЫНЫЧ (не сразу.) Твой шрам на груди. Ты должен принимать иммуносупрессивные препараты. Чтобы не произошло отторжение.

АРТЕМ. Об этом я тебе не говорил.

ГОРЫНЫЧ. Я догадался.

Молчание.

АРТЕМ. Ты же минуту назад говорил, что не будешь мне врать. Никогда. А сам врешь прямо в глаза.

ГОРЫНЫЧ. Артем!

АРТЕМ. Чего тебе от меня надо?

ГОРЫНЫЧ. Мне надо, чтобы ты принял свои таблетки. Я хочу, чтоб ты жил.

Артем задумался. Затем распечатал упаковку, положил таблетку в рот, взял с лавки бутылочку с водой — запил. И тут же выплюнул!

АРТЕМ (вскочив). Блять! Что это?

ГОРЫНЫЧ (тоже вскочив). Прости! Прости! Это керосин...

АРТЕМ. Да чтоб ты сдох! (Сел, обхватил голову руками.) За что ты мне мстишь? Что я тебе сделал?

ГОРЫНЫЧ. Ты все не правильно понимаешь.

АРТЕМ. Да я вообще ничего не понимаю! Я жил себе, трахался с красивой девчонкой, работал, тусил, у меня все было хорошо. А потом пришел ты — и моего мира не стало.

ГОРЫНЫЧ. Так и должно быть, так все и было задумано. Мы сидим на вокзале, у меня в кармане деньги на билеты, мы можем уехать, куда захотим. Тебя здесь ничто не держит. Ты свободен! Абсолютно!

АРТЕМ. Засунь себе в жопу свою свободу! С чего ты решил, что я с тобой куда-то поеду? Кто ты такой? Я тебя не знаю!

ГОРЫНЫЧ. Это тебе только кажется. Уверен, если ты прислушаешься к своему сердцу — ты все поймешь!

АРТЕМ. Какой бред!

ГОРЫНЫЧ. Послушай, послушай меня... Всю жизнь я учил детей. Мне казалось, что это мое призвание, мое единственное назначение на этой земле. Дети выросли, уходили в мир, выросли, у них появлялись свои дети, мои бывшие ученики приводили их ко мне — вот, Григорий Саввич, сделайте из них хороших людей. И я учил, учил... Моим миром была классная комната, но однажды мне пришлось выйти из нее, и оказалось, что мои ученики в большинстве своем просто подонки. Они предали все, чему я их учил. Растоптали вместе с флагом своей страны. Мне пришлось уехать, стать беженцем. Мой мир треснул и начал рассыпаться. Я собирал этот распадающийся мир, но он разрушался быстрее, чем я успевал его собирать. В нем оставались прорехи, через которые просачивался ужас. У меня не было будущего! И в этом я винил только себя. Значит, я плохой учитель, раз не смог, не сумел... Но потом стал читать книги о своих коллегах по всему миру. И оказалось, что никому из гениальных учителей, наделенных всевозможными добродетелями, не удавалось передать их ученикам. Более того — многие знаменитые педагоги вырастили монстров. Сенека воспитал Нерона, Сковорода — Мишу Коваленского. Милый мальчик, в воспитание которого наш светоч мудрости вложил столько сил и времени, вырос и стал обыкновенным вором и взяточником. Ведь это крах! Конец всему! Вселенская катастрофа!

АРТЕМ. А причем тут я?!

ГОРЫНЫЧ. Я не Сковорода, на моей могиле не напишут: «Мир ловил меня, но не поймал». Потому что ты мой мир, ты моя ловушка, и ты мой последний шанс.

АРТЕМ. Все равно не понимаю.

ГОРЫНЫЧ. Ты поймешь. Дай мне еще несколько минут, и ты все поймешь. Когда мы уехали, все пришлось начинать с начала. Работать я не мог, нас кормила жена. Вот она всегда трезво смотрела на жизнь, умела зарабатывать деньги, а я нет, я оказался бесполезен... Но у нас был сын! Валентин, мой Вака... Я поклялся, что уж своего-то мальчика ни за что не упущу. Сын мой однородный, говорил я ему, приклони ухо твое. Услышь голос отца твоего и спасешься от сети, как серна от ловцов. Сын, если премудр будешь, чужая беда научит тебя, дерзкий же и бессердечный сын научается на собственных ошибках. И это беда. Сын, да переболей бедой ближнего! Любящий же свою беду и не болящий о чужой, достоин ее. (Плачет, бьет себя по щекам.)

Пауза.

ГОРЫНЫЧ. Четыре года назад, в мае, он разбился на машине. Они с приятелями напились, угнали чей-то автомобиль и сбили человека. Была погоня, и Вака, который был за рулем, не справился с управлением. Вместе с ним в тот день умер и я. Не физически, нет. Я ел, пил, ходил в туалет, но это был кто-то другой. Того человека, который учил детей, больше не было.

АРТЕМ (тихо). Четыре года назад. В мае.

ГОРЫНЫЧ. Да. Тебе тогда пересадили его сердце.

Артем молчит.

ГОРЫНЫЧ. Я никого и ничему не могу научить. Никто никого не может научить. Другому человеку можно только дать свободу. А дальше — сам! Только сам! Как Бог ему положит. Счастье твое, и

мир твой, и рай твой, и век твой внутри тебя есть. Надо только сделать несколько шагов. И если ты пойдешь со мной, то все это у тебя будет.

АРТЕМ. А если нет?

Горыныч встает, берет бутылочку с керосином, выливает его себе на голову. Из кармана появляется зажигалка.

ГОРЫНЫЧ. Тогда мне придется уйти. Уже навсегда. Горыныч покидает здание.

АРТЕМ. Это не честно. То, что ты сейчас делаешь — не честно.

ГОРЫНЫЧ. У меня нет другого выхода. Прости.

Горыныч чиркает зажигалкой, Артем смотрит на маленький огонек, который в следующее мгновение может стать огромным факелом.

Пауза.

АРТЕМ. Мороженое растаяло.

ГОРЫНЫЧ. Что?

АРТЕМ. Мороженое, говорю, растаяло. Жрать охота. Дай денег — я новое куплю.

Сбитый с толку Горыныч гасит зажигалку, роется в карманах, достает деньги.

ГОРЫНЫЧ. Вот. Это все. (Отдает деньги Артему.)

АРТЕМ. Хватит. (Идет к выходу.)

ГОРЫНЫЧ. Артем! Ты вернешься?

АРТЕМ. А сам как думаешь?

Артем уходит.

Горыныч остается один.

Садится на лавочку.

Ждет. Ему сейчас остается только ждать.

Темнота.

... Горыныч исчез из нашего города так же внезапно, как и появился.

Конечно, большинство этого не заметило. Ну, психом больше, психом меньше...

Подумаешь! Не велика потеря.

Зато, рассказывают, в соседнем городе появился абсолютно отбитый чувак, который ходит по улицам с ведром краски и кисточкой, и везде пишет одно и то же:

ВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАК

ВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАК

ВЕКВАКВЕКВАКВЕКВАК

ВЕКВАКВЕКВАК

ВЕКВАК

КОНЕЦ.